0А.Г. Александренков

ПРИСВОЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КУЛЬТУРЫ (на примере колониальной Кубы)

История Америки — это постоянное взаимодействие людей различного этнического происхождения и носителей разного культурного багажа. Подобного рода процессы свойственны и другим регионам мира, но именно осмысление этнографами американских материалов и, прежде всего, результата появления в Америке европейских завоевателей породило несколько объяснительных концепций: достаточно известную — аккультурации и менее известные - транскультурации, культуры завоевания и некоторые другие. В противовес им предлагалось рассматривать завоевание Америки не в рамках культурного контакта, а под углом зрения первоначального накопления капитала (*Александренков* 1992а).

Концепция аккультурации сложилась на изучении результата отношений между европейскими поселенцами (и их потомками) в Северной Америке и американскими аборигенами. Хотя сторонники этого подхода к изучению контактов в сфере культуры признавали их взаимность, результаты взаимодействия рассматривались лишь относительно индейских культур. Таким образом, вольно или невольно, одна из сторон, аборигены, представала более пассивной, воспринимающей культурные воздействия другой стороны (*Бахта* 1963). Такая интерпретация отношений между аборигенами и пришельцами соответствовала реальной ситуации в Северной Америке, когда результат столкновения оказался более заметным у индейцев, чем у европейских поселенцев.

Теория транскультурации возникла на карибском материале. Карибская действительность дала возможность увидеть бóльшую сбалансированность взаимных влияний разных по происхождению групп населения, в особенности

выходцев (и их потомков) из Европы и Африки. Автор концепции, кубинский исследователь Ф. Ортис, под транскультурацией понимал процесс постоянных изменений в культуре. Сторонники и последователи теории транскультурации, и, прежде всего, Б. Малиновский, написавший вступление к книге Ортиса 1940 г., увидели в ней подчеркивание взаимодействия культур — в противоположность этноцентризму концепции аккультурации (*Malinovski 1963*. Книга Ортиса издавалась на английском языке. Последнее известное мне издание — *F. Ortiz* 1995).

Понятие культуры завоевания было предложено и обосновано североамериканским исследователем Дж. Фостером. В отличие от своих коллег, он основное внимание уделил трансформациям, имевшим место в донорской, по его терминологии, культуре, а именно, в испанской. Одним из основных положений Фостера было утверждение, обоснованное им на анализе нескольких явлений культуры, о том, что для культуры завоевателей было свойственно «обдирание» (stripping down) или редукция, в процессе которых исчезало большое число элементов их культуры и упрощалась сложность и уменьшалась вариативность многих ее проявлений. Фостер указал на причины такого упрощения — трудности транспортировки ряда элементов культуры, различия в среде исхода и в условиях обитания на новых землях, образ жизни границы, происхождение пришельцев из разных областей Испании с разными культурными традициями и др. Другой стороной процесса была, по Фостеру, кристаллизация складывавшейся культуры, приведшая к ее сопротивляемости относительно более поздних влияний из Старого Света (*Foster* 1960).

Несмотря на очевидное в целом обеднение европейской культуры в Америке в период ее завоевания и колонизации, убедительно показанное Фостером, в быт пришельцев вошло немало элементов культуры местных обитателей. Этот факт общеизвестен. Меньше внимания обращается на то, что этот процесс перехода элементов культуры от аборигенов к европейцам проходил во многих регионах при одновременном и достаточно быстром исчезновении коренного населения.

В данной статье я и предлагаю рассмотреть такую ситуацию взаимодействия пришельцев и аборигенов, при которой одна из взаимодействующих сторон (местные обитатели) исчезла как этнос, в то время как ряд элементов ее культуры был усвоен другой стороной.

Под *этноцидом* будет пониматься не физическое уничтожение людей (оно обычно называется *геноцидом*, то есть уничтожением рода), а создание, вольное или невольное, таких условий, в которых этнос, как правило неравноправный в социальном и экономическом отношениях, не может воспроизводиться и обречен на исчезновение.

Чтобы лучше понять условия перехода элементов культуры от аборигенов Кубы к европейцам, напомню о культурном багаже сторон.

Аборигены Кубы (как и других Больших Антильских островов) находились в целом на стадии развития, которую с технологической точки зрения можно назвать энеолитом. Подавляющая часть орудий (разного рода ударники, отбойники, терочники, а также топоры, тесла, долота, проколки и пр.) была сделана из камня, раковины и, в меньшей степени, очевидно, кости. Ими обрабатывались раковина, древесина, кость, растительные материалы. Обработка камня достигла большого совершенства, о чем свидетельствуют такие предметы, как каменные «кольца» или «ярма», достигавшие полуметра в диаметре, а также антропо- и зооморфные изображения. Лишь небольшая часть изделий изготовлялась из золота (украшения, а не орудия) посредством холодной ковки. С материка могли доходить предметы, литые из сплавов золота, серебра и меди (также украшения).

Основой существования большинства аборигенов Больших Антил было земледелие. Среди возделываемых растений были маниока, маис (кукуруза), арахис, фасоль, батат и некоторые другие корнеплоды; был известен и хлопчатник. Важную роль в хозяйстве играли рыбная ловля, морское собирательство, а также охота — на мелких наземных животных, птицу, и на крупных морских животных — ламантина и черепах, прежде всего.

Земледельческими орудиями были каменный топор и заостренный кол. Оружием служили дротики, в некоторых местах метаемые с помощью копьеметалок, а также лук со стрелами (был известен только на востоке о. Гаити и на Пуэрто-Рико) и боевые дубины из твердых пород дерева.

Приготовление пищи включало в себя отдельные сложные процессы — в частности, удаление синильной кислоты из маниоки, включавшее промывание корнеплодов, очистку, растирание, отжимание и пропекание на сковороде. Лепешки, изготовленные из маниоки (они назывались *касабе*), могли долго сохраняться в сухом виде и служить пищей в длительных переходах. Были известны варка в глиняной посуде, копчение на огне и, может быть, соление. Обитатели Антил знали свойства и многих диких растений, используя одни из них в пищу в случае голода, а другие — в медицинских целях.

Главным средством транспорта была долбленая весельная лодка. Лодки делали от совсем небольших до таких, что могли вмещать несколько десятков человек. Передвигались на них в пределах видимости берега, но они были способны выдержать и плавания между отдельными островами.

Было известно ткачество; целиком тканые изделия были небольшими — источники сообщали о коротких женских юбочках. Украшения, служившие и знаками социального положения, включали ожерелья, браслеты, пояса, налобные повязки, венцы, подвески в ушах и носу. Изготовлялись они из разных материалов, важным элементом многих изделий были вкладыши из раковин и лепестков золота. Тело и лицо раскрашивались в зависимости от обстоятельств, раскраска защищала тело от небольших физических повреждений, лучей солнца и насекомых.

Обитатели Больших Антильских островов возводили жилища столбовой конструкции, некоторые из них были больших размеров и напоминали испанцам шатры; их стены и кровля делались из растительных материалов. Каменных построек не было, но церемониальные площадки ограничивались небольшими боковыми насыпями или иногда оградами из вертикальных камней.

Высшей ступенью социальной организации было, видимо, вождество, включавшее в себя несколько поселений. Некоторые поселения на Кубе были достаточно крупны — до тысячи человек. В восточной части острова плотность населения была значительно выше, чем на западе. На Кубе не было, тем не менее, таких влиятельных вождей, как на Гаити или Пуэрто-Рико.

Мировоззрение и духовная жизнь коренных обитателей Кубы известны мало, но в письменных источниках не раз говорится о том, что индейцы Кубы были во всем схожи с индейцами соседнего острова Гаити, сведения о которых более полны. На Гаити очень хорошо прослеживается культ личных духов-покровителей, а также аграрные культы с церемониями, в которых участвовало больше число людей. Наиболее известные ритуалы такого рода — игра в мяч и т.н. ареито, включавшие танцы и пение. Для отправления ритуалов строились отдельные и особые площади (*Александренков* 1976).

Таков был, в сумме, круг культуры аборигенов Кубы, что предстал пришельцам из Европы конца XVI века.

В Европе того времени имелись развитые и разнообразные ремесла. По мнению специалистов, «наибольшей высоты достигли металлообработка и текстильная промышленность». Широкое распространение в разных отраслях производства получили водяные и ветряные мельницы. Совершенства достигла техника возведения замков и крепостей. Строились корабли, что могли пересекать обширные водные пространства. В земледелии применялись пахотные и другие орудия. Был известен колесный транспорт и вьючные перевозки. В качестве тягловых и вьючных животных использовались лошади, ослы, мулы и волы. При переработке земледельческой продукции использовался пресс (*Скржинская* 1936). Появилось огнестрельное оружие; весьма разнообразным было холодное. Воины сражались как пешими, так и конными.

Что касается общественного устройства, то небольшим вождествам Антил противостояло крупное государство с централизо-

ванной властью и разветвленным управлен-ческим аппаратом, скрепленное к тому же единой церковью.

Знакомство с культурой обитателей Антил началось в первом плавании, на нынешних Багамских островах. Испанцы сходили на берег, заходили в поселения и отдельные дома, видели предметы быта и украшения.

Куба была открыта 27 октября 1492 г., испанские корабли приблизились к северному побережью острова в его восточной части. Считается, что наиболее вероятным пунктом был нынешний порт Бариай (*Van der Gucht, Parajón 1943*). Местные жители убежали, оставив свои жилища. Пришельцы обнаружили в них собак, не умеющих лаять, сети, веревки, рыболовные крючки, гарпун из кости и др. «Листьями здесь кроют крыши домов», отметил в своем дневнике Колумб. В другом месте были найдены женские фигурки и маски, в назначении которых Колумб сомневался — для красоты или поклонения. Через некоторое время стали известны несколько культурных растений, а 15 ноября в дневнике уже идет речь о землях, возделанных под коренья, из которых делают хлеб (Путешествия 1952: 106, 108,112, 120).

Судя по записям в дневнике Колумба, испанцы пришли к выводу, в правоте которого потом убеждались не раз, что местные жители смирны, наги и безоружны, а также к явно ошибочному, что «нет никаких верований у этих людей и что они не идолопоклонники, а очень смирные люди, не ведающие, что такое зло, убийство и кража...» (Путешествия 1952: 116). Далее к востоку поведение местных жителей не было таким миролюбивым, но и там обошлось без стычек. В одном месте Колумбу удалось выменять индейские дротики. Несколько испанцев ходили вглубь острова и в одном поселении были торжественно приняты местными обитателями.

Без особых осложнений прошло и второе плавание Колумба вдоль берегов острова, на этот раз — южных. Испанцы прошли вдоль южного берега с востока на запад до о. Пинос в 1494 г.

Уже после первых плаваний у испанцев сложился образ обитателя Кубы, который, тем не менее, не был одинаковым.

Вот что о них писал один из историков Америки Б. Де Лас Касас: «Все эти островитяне ... хотя и кажутся дикарями и ходят нагие, но обладают, по мнению адмирала и всех, кто сопровождал его в этом плавании, большой смышленостью и наделены от природы разумом». Те же события королевский историк А. Бернальдес интерпретировал так: «Но, будучи людьми дикими и считая, что весь мир остров, и не зная, что такое материк, и не имея письменности, ни древних преданий, не ведая никаких других удовольствий, кроме пищи и женщин, они говорили адмиралу, что Хуана — остров...» (Путешествия 1952: 300, 285-286). Как оказалось позже, именно в пище и женщинах более всего стали нуждаться и пришельцы, и именно лишение аборигенов пищи и женщин стало одной из причин этноцида.

До того, как Куба была занята испанцами, еще несколько мореплавателей и конкистадоров попадали на ее берега. В 1508 г. вокруг острова прошел С. де Окампо. Несколько неудачных плаваний испанцев от берегов Южной и Центральной Америки заканчивались на южном побережье Кубы. Некоторые из потерпевших кораблекрушение проводили среди аборигенов по несколько лет и были вынуждены приспосабливаться к местному образу жизни. Но подробностей о такого рода случаях сохранилось очень мало.

Завоевание Кубы испанцами началось в конце 1510 или начале 1511 г., когда там высадился Д. Веласкес, отправившийся с соседней Эспаньолы (Гаити). Через 20 лет после основания испанская колония на Гаити находилась в плачевном состоянии. Испанцы уже там ощутили необходимость приспособления к местным условиям посредством использования элементов местной культуры. Колумб еще в 1494 г. на Эспаньоле пришел к выводу, что «...чтобы сохранить здоровье людей, необходимо, помимо упования на господа, обеспечить их такой пищей, к которой они привыкли в Испании...

А съестные припасы должны доставляться сюда до тех пор, пока их не станут получать здесь от того, что будет на этой земле посеяно и посажено. Речь идет о пшенице, ячмене и виноградных лозах...» (Путешествия 1952: 352).

Однако надежды на выращивание средиземноморских культур, зерна и винограда (кроме них, испанцы ощущали потребность также в привычном оливковом масле) не оправдались. Поэтому колонисты на Антилах зависели от поставок из Испании; кому оплачивать их было не по карману, вынуждены были приспосабливаться к местной пище.

К концу 1514 г. вся Куба была во власти испанцев. В некоторых местах аборигены пытались оказать сопротивление, но неудачно. В Каонао испанцы устроили неспровоцированную резню, где, по словам Лас Касаса, было убито несколько сот человек, взрослых и детей При передвижении с востока на запад острова с испанцами перемещалось значительное число аборигенов, как местных, так и с Гаити. В частности, с отрядом Нарваэса шло не менее тысячи человек. У каждого испанца было не менее 8-10 слуг. Помимо того, что они несли грузы, мужчины охотились и выкапывали маниоку, а женщины готовили из нее хлеб (*Лас Касас* 1968: 172-175).

В первые несколько лет в разных местах Кубы испанцы основали несколько поселений — Баракоа, Баямо, Тринидад, Санкти-Спиритус, Сантьяго-де-Куба, Пуэрто-Принсипе и Гавана. Именно в них проживала большая часть завоевателей. В поселениях они получали земли под усадьбы, а в окрестностях — наделы для хозяйства (на первых порах вместе с индейцами).

Некоторое время испанская колония на Кубе успешно развивалась и даже была базой для походов на материк. Ряд экспедиций, начиная с 1517 г. (Э. де Кордоба, Х. де Грихальва, Э. Кортес, П. Нарваэс), лишили Кубу нескольких тысяч испанских поселенцев и местных индейцев. После смерти Веласкеса в 1524 г. колония приходит в упадок. Продолжался отток населения на материк — в 1538 г. почти все мужское население, способное носить оружие, ушло с Э. де Сото во Флориду. В 30-е гг. Кубу поразила эпидемия чумы. Имели место активные выступления индейцев, в 1528 г. ими был атакован и частично сожжен Пуэрто-Принсипе. Лишь к середине XVI в. произошло полное замирение индейцев.

К этому времени, после долгих споров испанских законодателей и теологов, определилось юридическое положение индейцев. Булла Павла Ш от 1537 г. указывала, что индейцы способны воспринять христианство и что они не должны лишаться свободы и имущества и не должны угнетаться. В 1542 г. были приняты «Новые законы», согласно которым индейцев нельзя было порабощать ни под каким предлогом. После сопротивления со стороны местных испанских землевладельцев на Кубе в начале 50-х годов были обнародованы законы.

К этому времени на острове из предполагаемых 100 тыс. коренных обитателей на момент появления испанцев осталось не более 6-7 тыс. человек (*Perez de la Riva* 1972).

Каким же образом элементы местной культуры перешли к завоевателям, что вынуждало европейского пришельца овладевать ими?

Существование испанцев на Кубе, как и на других островах в начальный период напрямую зависело от эксплуатации местных индейцев, которые поставляли испанцам пищу, переносили их грузы, работали на золотых приисках, а позже и в скотоводческих хозяйствах, находились в личном услужении.

Аборигены острова, уцелевшие к середине века, были переселены в *pueblos de indios* (индейские поселения) с функциями самоуправления (*Marrero* 1974: 77-78, 1976: 21). На востоке таких поселений было несколько, на западе — одно, Гуанабакоа, недалеко от Гаваны.

Кроме того, в середине XVI в. некоторые испанские вильи превратились на время в «пуэбло де индиос». В Тринидаде не было испанских поселенцев с 1543 по 1570 гг. В конце этого периода там проживало 50 семей индейцев. В 1558 г. в соседнем Санкти-Спиритус было 6-7 испанских «весино» (то есть, полноправных граждан, как правило, — семейных) и столько же индейских. Под 1563 г. «индейским пуэбло» названа Баракоа, первое испанское поселение на Кубе. В том году там было 50 индейских домохозяйств и всего несколько испанцев (*Marrero* 1974 : 324; *Zerquera y Fernández de Lara* 1977: 82-85, 88-90).

Некоторые «индейские поселения» вскоре перестали быть таковыми, другие сохраняли эту категорию вплоть до начала XIX в. (Эль-Каней, Хигуани). Но уже в 1608 г. кубинский епископ полагал, что ни одно поселение подобного рода нельзя считать «пуэбло де индиос», потому, что проживавшие в них индейцы, по его словам, «наполовину обиспанились» или «обиспанились». Несколькими годами позже другой епископ резюмировал так: «нет больше на этом острове индейцев, которые были бы настоящими индейцами, а те немногие, о которых я упомянул, находятся в каждом поселении уже смешанными с испанцами» (*Marrero* 1976: 14, 15; Documentos 1973: 567-574).

В некоторых местах острова могли оставаться группы индейцев, сохранившие свою культуру. В 70-е гг. XVI в. была пленена группа аборигенов (получившая название *макорихес*); судя по сохранившимся именам некоторых из них, они не были крещены (*Escoto* 1924: 38-39; *Urrutia y Montoya* 1931: 70-71).

Можно, вероятно, утверждать, что к середине XVII в на Кубе уже не было коренного населения с прежними групповыми самоидентификациями. Были потомки коренных обитателей с навязанной пришельцами из Испании «индейской» идентификацией. Признание, осознание себя «индейцем», а не сибонеем, гуанахатабеем и так далее, свидетельствует об утрате прежних самоидентификаций. Это «индейское» население едва ли можно считать этносом. Сохранению индейского самосознания в более поздние эпохи, вплоть до нашего времени, у некоторых групп населения на востоке острова или у отдельных лиц способствовали, главным образом, антропологические признаки и, реже, устная традиция об индейском происхождении.

Помимо «индейских поселений», часть потомков коренных обитателей проживала в испанских поселениях, считаясь «весино» и имея право на земли для усадьбы в пределах поселения и на земли за его пределами для земледелия и разведения скота. Не имея условий для воспроизводства, эта прослойка населения со временем растворилась..

Вероятно, именно в этом слое населения, а также среди индейцев, находившихся в услужении, испанцы чаще находили себе жен или сожительниц. Браки подобного рода имели место и в верхних слоях испанской общности на Кубе, но еще более они должны были практиковаться в беднейших слоях испанских поселенцев — испанская иммиграция на Кубу, как и в другие части Америки, была по-преимуществу мужской (*Александренков* 1998).

Местная женщина не только удовлетворяла инстинкт сохранения рода, обеспечивала пищей и уходом. Она была также передатчиком многих элементов культуры, особенно того, что касалось знания местной флоры. Ведь в доколониальный период женщины активно участвовали в земледельческих работах, а также должны были (как это известно по этнографическим наблюдениям) практиковать собирательство. Испанский хронист завоевания Америки Г. Фернандес де Овьедо и Вальдес, рассказывая об одном лечебном дереве с Эспаньолы, сообщил, что его свойства стали известны через местную индеанку, жену испанца (имелась, правда, и другая версия). Овьедо сделал и общее заключение о том, что, поскольку всё здешнее (речь шла об Америке) ново, оно становится известным не по опыту, а по сообщениям индейцев (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851: 366, 348).

Роль женщины, как межэтнического передатчика элементов местной культуры пришельцам, обусловливалась тем, что при военных столкновениях, которыми, как правило, заканчивались перемещения людей из одних областей в другие, мужчины чаще погибали, чем женщины, которые воспринимались победителями как потенциальные жены.

Некоторые элементы культуры аборигенов острова в ранний колониальный период не только сохранились, но и получили на острове большее, чем до появления испанцев распространение. Так, маниоковый хлеб (касабе) стал важным элементом снабжения испанских отрядов при организации походов на материк. Об этом можно судить по тому, что один из историков завоевания Мексики, Б. Диас дель Кастильо, рассказывая о нескольких экспедициях к берегам Америки,

на первом месте среди провианта ставил хлеб касабе; с таким же постоянством на втором оказывалась свинина (*Días del Castillo* 1963: 18, 38-39, 60, 63, 70). Вероятно, самая большая плантация местных корнеплодов на Кубе была у первого губернатора на западе острова, в районе Гуанигуанико, то есть, там, где до прихода европейцев земледельцы не обитали. На асьенде Веласкеса были высажены 45 тыс. кустов бататов и 50 тыс. кустов маниоки; там же разводили свиней и птицу (*Zayas y Alfonso* 1931 :56, 153, 192).

Когда колония пришла в упадок, производство касабе стало сокращаться, но он еще долго входил в состав пищи многих слоев населения. В XVIII в. один из историков Кубы счел возможным сравнить по степени важности маниоку на Кубе с пшеницей в Испании. На второе место он поставил другую местную культуру, кукурузу (маис). Однако к концу XIX в. на западе острова касабе делали только в Гуанабакоа, на востоке он был распространен больше.

Если в начальный период колонизации острова касабе производили только аборигены, то со второй половины XVI в. его производством стали заниматься и другие слои населения, белые и негры (*Александренков, Фольгадо* 1993).

Помимо маниоки, маиса и батата, источником пищи для испанцев и их потомков на Кубе (как и на других Больших Антильских островах) стали и другие местные культуры - местные ямсы, фасоль, земляной орех, перец. Некоторые корнеплоды, в частности, *йерен* (или *льерен*) остались известны лишь на локальном уровне (*Sturtevant* 1969; *Pichardo* 1976). На Кубе к испанцам перешло знание о том, как возделывать табак. В начальный период колонизации там выращивалось много местного хлопка (в частности, он шел на изготовление панцирей перед походами на материк).

Обитатели Больших Антильских островов, в том числе и Кубы, употребляли в пищу разнообразные плоды и фрукты. Испанские авторы расходились во мнении относительно того, возделывались они до прихода европейцев или нет. В любом случае, знание об их свойствах перешло к завоевателям. Испанцам стали известны и свойства многих дикорастущих

представителей флоры — некоторые из них могли быть использованы в пищу в периоды голода, другие давали сырье для плетения разного рода веревок, сбруи, канатов для оснастки судов, изготовления емкостей; древесина использовалась для изготовления щитов, каркасов седел и т.д. Стали известны и лечебные свойства некоторых растений.

О том, каков был объем знаний о местной фауне и флоре, перешедших от аборигенов к испанцам в начальный период колонизации, можно составить представление из книги Овьедо, где их описанию отведены десятки и десятки страниц (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851; см. также *Mestre* 1936; Documentos 1973: 558-561).

Для возведения построек, в первую очередь жилищ, а поначалу и культовых сооружений, не только шли строительные материалы местного происхождения (стволы деревьев, лианы, листья пальм), но применялись и местные строительные приемы — так, крепление растительных кровли и стен осуществлялось без гвоздей, при помощи разного рода растительных волокон (эта техника в сельской местности применяется и доныне). Что касается самого сельского жилища, то в кубинской литературе есть традиция считать жилище крестьянина прямым наследием аборигена, тем более, что оно часто и называется индейским словом «боио» (bohío). Видимо, индейское влияние сказалось лишь на использовании материалов и технических приемов, так как планировка (выделение жилого пространства, спальни и кухни) и размеры (значительно меньшие) отличают жилище кубинского крестьянина от жилища аборигенов (см. об этом: *Александренков* 1992б; *Шейнбаум* 1993).

От аборигенов испанцы и их потомки узнали о местной фауне, в первую очередь, о тех животных, которые могли быть употреблены в пищу. Так, еще в XVII в. на Кубе обычной пищей была зеленая черепаха. До сих пор в прибрежных районах в пищу используются, помимо рыбы, моллюски и ракообразные. В некоторых районах охотятся на немногочисленных местных млекопитающих, главным образом, — на грызуна хутию. Однако способы лова млекопитающих, морской живности и

птиц, описанные в ранних источниках, не сохранились до настоящего времени, и в источниках не удалось найти сведения о том, что их применяли местные креолы. Видимо, они оказались непривлекательными или слишком специфичными. Может быть, это случилось потому, что пришельцы обладали более совершенными орудиями и приемами лова; известно, что в Испании в доколониальный период была очень развита техника рыболовства (*Foster* 1960). Вполне возможно, правда, что индейским по происхождению является известный в некоторых местах способ ловли черепах, поплавком у которых служит вырезанное из дерева изображение этого животного. Эту сеть, или только поплавок, местные рыбаки называют, вероятно, индейским словом «бубакан» или «гуакан» (*Александренков* 1988).

Несмотря на то, что уровень технической оснащенности испанцев был намного выше, чем островитян, первые вынуждены были кое-что заимствовать у местных жителей. Так, при подсечно-огневом способе ведения земледелия, распространенном на островах при освоении новых земель вплоть до XIX в. и встречающемся в наше время, земля обрабатывалась и обрабатывается при помощи деревянного кола, называемого на Кубе индейскими словами «коа» или «хан». Он же служил и служит для извлечения корнеплодов. В начале колониального периода важную роль играли аборигенные способы перемещения людей и грузов. При слабом развитии наземных средств важную роль играли водные коммуникации. Индейцы были не только гребцами у испанцев, но и, вероятно, делали для них лодки по своим технологиям — в ранних колониальных документах постоянно встречаются индейские названия долбленых лодок — «каноа» и «пирагуа». В некоторых местах долбленые лодки делали до недавнего времени. На реках востока острова было известно использование в качестве средства передвижения по воде коробов из ягуа (черенка листа королевской пальмы), скорее всего, также индейского происхождения. Там же на востоке, в некоторых местах долбленые лодки называют словом «каюка», а деревянные колоды для поения скота или корыта — «каюко».

Выше речь шла о тех элементах культуры, что были взяты испанцами у аборигенов в области хозяйства. Формы социальных отношений индейцев, пожалуй, никак не отразились на испанцах и их потомках.

Представления аборигенов о мире, их духовная жизнь, религиозные воззрения, их вера в духов-покровителей с соответствующей атрибутикой и ритуалами, не только отвергались, но и преследовались пришельцами. Тем не менее, некоторые элементы верований местных индейцев перешли к потомкам пришельцев — как представляется на локальных уровнях и в той сфере, что называют фольклором. Процесс перехода аборигенных элементов к новому населению в духовной сфере осуществлялся через потомков смешанных браков и культурную ассимиляцию местного населения, которое, утратив многие элементы прежней социальной структуры и даже материальной культуры, а также язык, и, наконец, прежнее групповое самосознание, и, растворившись физически среди людей, считавших себя уже «местными» или «кубинцами», сохранило какие-то элементы духовной культуры и внесло их в сферу жизни последних.

Специальных исследований по выявлению индейского пласта в кубинском фольклоре проведено мало; среди них можно отметить работы С. Фейхоо. По его мнению, именно к этому слою относится широко распространенная до недавнего времени среди сельского населения острова вера в существование «хигуэ» или «гуихе», неких антропоморфных существ маленького роста, темных или черных, обитающих в воде. Явление такого существа грозило, как правило, бедой тому, кто его увидел (*Feijoo* 1986: 89-179). В конце XIX в. в Сьенфуэгос и Матансас были записаны легенды, в которых обнаруживается сходство с мифами аборигенов Гаити, зафиксированными в конце XV в. (*Feijoo* 1986: 13-23). Вызывает сомнение форма изложения этих легенд, очень многословная и сентиментальная. Форма, конечно, могла быть придана тем, кто делал запись, но нельзя исключить и подражание.

Недавно А.А. Бородатова высказала предположение, что почитание сейбы, известное у некоторых современных групп

населения острова, восходит к ее культу, якобы практиковавшемуся аборигенами острова. В качестве одного из аргументов А.А. Бородатова привела записанную ею в районе Баямо версию индейского мифа о сотворении мира (*Бородатова* 1992). К сожалению, не приведены сведения об информаторе и о его источниках знания мифа. Как и в случае с так называемыми индейскими легендами из центральных провинций, здесь не исключено влияние уже опубликованных материалов.

Самый большой слой индейского наследия прослеживается, пожалуй, в кубинской лексике. Некоторые индейские слова стали известны испанцам еще в первом плавании Колумба. Тогда же Колумб захватил с собой несколько местных жителей, двое из которых вернулись с ним на Антилы во втором плавании. Один из них, получивший имя брата Колумба, Диего, освоил испанский язык; по одним источникам он говорил на испанском посредственно, по другим — достаточно, а по третьим — прекрасно.

Некоторые названия местных предметов и явлений попали к испанцам от этих первых, встреченных ими аборигенов. Значительно большим количество заимствованных слов должно было стать при более длительных контактах в самой индейской среде. Некоторые из конкистадоров овладевали каким-то запасом местных слов и навыками в языке, достаточными, чтобы общаться с местными жителями. Берналь Диас дель Кастильо, участвовавший в завоевании Мексики, а до этого некоторое время проживший на Кубе, утверждал: «...многие из наших солдат и я понимали очень хорошо тот язык (обитателей Ямайки — Э.А.), который таков, как язык Кубы» (*Díaz del Castillo* 1963: 40).

По мнению нынешних лингвистов, язык испанского конкистадора в короткое время оказался насыщен многочисленными заимствованиями из языка, носители которого вскоре исчезли (*Valdés Bernal,* 1986: 2. О вкладе индейских языков в испанский язык на Кубе см. также *Valdés Bernal* 1991 ,1993). В словаре Сайаса-и-Альфонсо содержится несколько сот названий мест, рек, ручьев и пр. индейского происхождения только на Кубе (*Zayas y Alfonso* 1931), не считая более распро-

страненных названий из растительного и животного мира и некоторых слов из сферы общественных отношений и религиозных верований.

Помимо реального вклада аборигенов в культуру неиндейского населения острова, есть еще одна сфера, связанная с осмыслением индейского прошлого и становлением кубинского самосознания. С середины XIX в. в кубинской поэтической среде зародилось течение, получившее название «сибонеизм» (по названию одной из групп коренного населения). Поэт Хосе Форнарис (1827-1890) опубликовал в 1855 г. «Песнопения сибонея» (Cantos de ciboney), получившие такое признание, что переиздавались несколько раз подряд. Кубинские историки и литературоведы нашли, что воспевание индейцев острова стало для местных поэтов формой выражения устремлений к свободе. И в самом деле, у Форнариса в диалоге Музы с поэтом, Муза говорила, что индеец поет кубинскую песнь (Los grandes romanticos 1960: 267-269; *Ricardo* 1960: 267-269).

Со временем индейским прошлым заинтересовались антропологи, археологи и историки. Оно стало считаться частью истории Кубы. С начала нашего века на Кубе постоянно ведутся археологические работы. Физические антропологи обращаются к изучению современных потомков аборигенов, сохранившихся в некоторых уголках на востоке острова (*Dacal Moure, Rivero de la Calle* 1986; Arqueología de Cuba 1991 и многие другие работы).

Интерес к древним индейцам острова проявляется на свой манер и вне академической среды. Начиная, видимо, с 70-х годов, в магазинах для иностранцев стали продавать поделки из разных материалов, имитировавшие изделия, найденные археологами (отдельные попытки имитации имели место и прежде, но не получили распространения). Оживление в сфере подражания индейским предметам или орнаментальным мотивам наблюдалось в 80-е годы, когда на Кубе возобновилась деятельность ремесленников в связи с разрешением рыночной торговли. Могу вспомнить керамические сосуды с орнаментацией, подражавшей индейским оригиналам, или

подвески из черного коралла с личиной антропоморфного существа, названного мастером «Таино» (по предполагаемому имени одной из индейских групп населения Больших Антил).

Независимо от того, насколько легенды Матансас и Сьенфуэгос восходят к кубинскому источнику, или насколько точно нынешний ремесленник воспроизводит формы индейских изделий или орнамента, сама память об индейском прошлом у современных кубинцев также может рассматриваться как наследие, восходящее к древним обитателям острова.

Сказанное выше не позволяет воспринимать индейский слой в современной культуре кубинцев как результат «длительных контактов пришельцев с аборигенным населением» и тем более утверждать, что «данные археологии и лингвистики свидетельствуют о длительном сосуществовании «двух цивилизаций» (*Бородатова* 1992: 168, 162).

Археология свидетельствует лишь о том, что в некоторых местах испанцы и аборигены проживали вместе (это известно и по письменным источникам) и что в других местах (немногочисленных) аборигены длительное время испытывали влияние пришельцев, сохраняя особенности своего быта.

Данные лингвистики говорят о том, что захватчики взяли те слова, которые были им нужны для обозначения новых явлений — едва ли для этого нужно было много времени. На первых порах конкисты, когда индейцев на острове было, по самым реалистичным подсчетам, чуть более 100 тыс. человек, испанцев насчитывалось всего несколько сот. За 50 лет число аборигенов сократилось до нескольких тысяч, испанцев стало не намного больше — еще и в 1620 г. их было около 7 тыс. человек. Это количественные параметры контакта. И с точки зрения содержания культуры контактирующие группы не могут быть названы индейской и испанской цивилизациями. Индейская культура была сразу же разрушена в своих социальных и духовных аспектах, а испанская, в силу условий конкисты, была, выражаясь языком Дж. Фостера, «общипана».

Переход элементов культуры от одной общности к другой предполагает, как неоднократно доказывалось этнографами, ряд предварительных условий; одним из главных всегда счи-

талась потребность принимающей стороны в том или ином новом элементе культуры. В большинстве случаев кубинские данные подтверждают это.

Больше всего элементов культуры испанцы заимствовали из материальной сферы и хозяйства, так как они были жизненно необходимы для них в начальный период колонизации и сохраняли свою важность для их потомков. Духовная культура аборигена, сосредоточенная вокруг того, что испанцам представлялось идолопоклонством, отрицалась завоевателями в принципе, в основе, хотя некоторые ее элементы сохранились у потомков завоевателей — скорее всего, через смешанные браки и на местном уровне. Нулевой переход от аборигенов к испанцам был, как можно судить по имеющимся данным, в социальной сфере. Испанцу не нужны были те общественные отношения, что сложились у аборигенов.

В большей части процесс перехода элементов аборигенной культуры в культуру пришельцев из Европы был процессом насильственного присвоения последними местных элементов или комплексов культуры, необходимых для выживания. Переход элементов материальной культуры и хозяйственных навыков был, вероятно, прямым — горизонтальным и синхронным, — в самом начале конкисты — от покоренного к завоевателю.

В дополнение к тем аспектам культурного взаимодействия, которые в этнографической литературе получили название *аккультурации*, *транскультурации*, *обдирания* (или *редукции*) *культуры* и *кристаллизации культуры*, этот можно было бы определить как *присвоение культуры* более сильными пришельцами.

Прагматичность намерений тех, кто берет необходимые элементы культуры в новых и затруднительных обстоятельствах, еще более видна на примерах колонизации испанцами областей Америки с высокой культурой. В частности, письменность майя, связанная с религиозной сферой, настолько оказалась не нужной европейским пришельцам, что была почти полностью забыта (*Кнорозов* 1955)

Отдельный вопрос — символическое значение аборигена для страны и ее жителей. Особенно значительным оно было в середине прошлого века, о чем речь шла выше. И в настоящее время несомненен интерес к индейскому прошлому страны, к культуре древних обитателей. Он поддерживается государственным финансированием работ археологов. Не менее очевидно и почти полное научное игнорирование современных потомков аборигенов острова, в том числе и со стороны тех, кто, казалось бы, больше других должен был быть заинтересован в их познании, а именно, — этнографов. Причиной тому является, вероятно, некое общее представление, сложившееся еще в конце XVIII в., о неизбежности исчезновения этой малочисленной группы кубинского населения (сейчас она насчитывает, по некоторым данным, около 1 тыс. человек в восточных провинциях острова). Внимание физических антропологов к потомкам аборигенов (здесь можно назвать в, первую очередь, работы М. Риверо де ла Калье) (*Rivero de la Calle* 1973) вызвано интересом к ним как к свидетельству прошлого.

Александренков Э.Г. Индейцы Антильских островов до европейского завоевания. М., 1976.

Александренков Э.Г. Пространственные различия в материальной культуре сельского населения Кубы // Этнография кубинской провинции Матансас. М., 1988.

Александренков Э.Г. Контакт культур или первоначальное накопление капитала? // Америка после Колумба: Взаимодействие двух миров. М., 1992а.

Александренков Э.Г. От чего танцевать в кубинском боио? // Латинская Америка, 1992б, № 12.

Александренков Э.Г. Стать кубинцем: Проблемы формирования этнического самосознания (XVI-XIX вв.). М., 1998.

Александренков Э.Г., А. Фольгадо. Маниока и касабе // Советская этнография, 1993, № 5.

Бахта В.М. Проблема аккультурации в современной этнографической литературе США // Современная американская этнография. М., 1963.

Бородатова А.А. Культ сейбы на Кубе: к вопросу об индейском субстрате в культуре кубинцев // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992.

Кнорозов Ю.В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как историко-этнографический очерк // *Ланда Д. де*. Сообщения о делах в Юкатане. М.-Л., 1955б.

Лас Касас Б. де. История Индий. Л., 1968.
Путешествия Христофора Колумба /Дневники, письма, документы/. М., 1952.
Скржинская Е.Ч. Техника эпохи западноевропейского средневековья // Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.-Л., 1936.
Шейнбаум Л.С. От индейского боио к традиционному кубинскому жилищу // Этнографическое обозрение, 1993, № 5.
Arqueología de Cuba y de otras areas antillanas. La Habana, 1991.
Dacal Moure R., M. Rivero de la Calle. Arqueología aborígen de Cuba. La Habana, 1986.
Días del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España. T. 1, La Habana, 1963.
Documentos para la historia de Cuba. T. 1, La Habana, 1973.
Escoto J.A. Los indios Macuriges en Haití y Cuba. Matanzas, 1924.
Feijoo S. Mitología cubana. La Habana, 1986.
Fernández de Oviedo y Valdés G. Historia genenral y natural de las Indias. T. 1, Madrid, 1851.
Foster G.M. Culture and Conquest: America's Spanish Heritage. New York, 1960.
Malinowski B. Introducción // *Ortiz F.* Contrapunteo cubano del tabaco y el azucar. La Habana, 1963.
Los grandes románticos cubanos. La Habana, 1960.
Marrero L. Cuba: economía y sociedad. T. 2, San Juan, 1974. T.3, 1976.
Mestre A. La medicina de los indios de Cuba. Habana, 1936.
Ortiz F. Cuban Counterpoint. Tobacco and Sugar. Durham and London, 1995.
Pérez de la Riva J. Desaparición de la población indígena cubana // Universidad de la Habana, N 196-197. Vol. 2-3, 1972.
Pichardo E. Diccionario provincial casi-razonado de vozes y frases cubanas. La Habana, 1976.
Ricardo Y. Valoraciones en torno a la poesía nativista //Bohemia, 1977, № 41.
Rivero de la Calle M. Los indios cubanos de Yateras // Santiago, N 10, Santiago de Cuba, 1973.
Sturtevant W.C. History and Ethnography of Some West Indian Starches // Domestication and Exploitation of Plants and Animals, ed. By P.J. Ucko and G.W. Dimbleby. Chicago, 1969.
Urrutia y Montoya I.J. de. Teatro histórico, jurídico y político militar de la Isla Fernandina, La Habana. T. 2,1931.
Valdés Bernal S. La evolución de los indoamericanismos en el espanol hablado en Cuba. La Habana, 1986.
Valdés Bernal S. Las lenguas indígenas de America y el español hablado de Cuba. T.1-2. La Habana, 1991, 1993.
Van der Gucht J., S. M. Parajón. Ruta de Cristobal Colón por la costa norte de Cuba. La Habana, 1943.
Zayas y Alfonso A. Lexicografía antillana. T. II, Habana, 1931.
Zerquera y Fernández de Lara C. La villa india de Trinidad en el siglo XVI // Revista de la Biblioteca Nacional José Marti. 1977, № 2.